

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 232–244, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.7+ 821.161.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева — поэта азиатского фронта

*Зифа Какбаевна Темиргазина¹, Ольга Константиновна Андрющенко²,
Руманият Омаровна Асельдерова³, Сергей Владимирович Николаенко⁴*

¹ Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана (д. 60, ул. Мира, 140005 Павлодар, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

² Павлодарский педагогический университет им. Алькея Маргулана (д. 60, ул. Мира, 140005 Павлодар, Республика Казахстан)

кандидат филологических наук, ассоциированный профессор

 0000-0003-4269-9588. E-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

³ Дагестанский государственный педагогический университет (д. 57, ул. Ярагского, 367003 Махачкала, Республика Дагестан, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna@mail.ru

⁴ Витебский государственный университет им. П. Машерова (д. 33, Московский проспект, 210038 Витебск, Беларусь)

доктор педагогических наук, профессор

 0000-0001-7749-6671. E-mail: ns-lk@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Темиргазина З. К., Андрющенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В., 2023

Аннотация. *Цель* исследования — выявить специфику ориенталистских мотивов в творчестве советского русского поэта Павла Николаевича Васильева. *Материалы и методы.* Материалом для анализа являются произведения П. Н. Васильева. В статье используются историко-литературный и сопоставительный методы. В основу методологии положены тезисы ориентализма и транскультурной литературы. *Результаты и обсуждение.* Диктуемая советской идеологией ранней эпохи классовая ориентация с дихотомией Свой — это пролетариат, бедняк, Другой — это кулак, купец, аристократ, бай, бий, бек и одновременно идея цивилизаторской роли рус-

ских в жизни коренных народов были воплощены в литературном мейнстриме этого времени. Павел Васильев также изображал в своих произведениях цивилизаторскую миссию советских инженеров, строителей, железнодорожников; индустриализацию казахских степей; образы «окультуренных» казахов — борцов за советскую власть, строителей новой жизни. Он рисует типичные негативные образы мулл, следуя политике большевиков, активно борющихся с религией и ее влиянием на народные массы. В то же время он осознает свое духовное родство с казахами и не изображает их Другими, для него они Свои, родные. В раннесоветской литературе распространен образ «спящей» Азии, которую надо разбудить штыками и пулеметами и превратить в «красный» Восток, который должен быть частью идеологически единого советского государства. В этом отношении П. Н. Васильев выбивался из мейнстрима, поскольку Азия в его представлении не была отсталым, дремлющим регионом. Для него это древняя, тысячелетняя, загадочная страна, его родина. Отклонением от мейнстрима являются и традиционно ориенталистские стихотворения Павла Васильева («Охота с беркутами», «Джут», «Бахча под Семипалатинском», «Верблюды» и др.), в которых, вопреки советской политике нивелирования культуры коренных народов Азии, подчеркивается национальная и культурная специфика казахов. *Выводы.* Рассмотрев особенности воплощения ориенталистских мотивов в поэзии П. Н. Васильева, можно сказать о том, что на них повлияла транскультурность художественного мировидения поэта, сформировавшегося как творческая личность в условиях казахско-русского фронта.

Ключевые слова: ориентализм, Павел Васильев, азиатский фронт, транскультурная литература, мейнстрим, социалистическая идеология, Свой, Другой

Благодарность. Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта по договору № 3 от 01.07.2022 г. с Павлодарским педагогическим университетом им. Алькея Маргулана (Республика Казахстан).

Для цитирования: Темиргазина З. К., Андрищенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В. Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева — поэта азиатского фронта // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 232–244. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Pavel Vasiliev — A Poet of the Asian Frontier: Specifics of Orientalist Motifs Revisited

Zifa K. Temirgazina¹, Olga K. Andryuchshenko², Rumaniyat O. Aselderova³, Sergey V. Nikolaenko⁴

¹ Margulan University (60, Mira St., 140005 Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (Philology), Professor
 0000-0003-3399-7364. E-mail: temirgazina_zifa[at]pspu.kz

² Margulan University (60, Mira St., 140005 Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
 0000-0003-4269-9588. E-mail: olga_pav_pgpi[at]mail.ru

³ Dagestan State Pedagogical University (57, Yaragsky St., 367003 Makhachkala, Russian Federation)
Cand. Sc., (Philology), Associate Professor
 0000-0003-4261-6703. E-mail: rumomarovna[at]mail.ru

⁴ Masherov Vitebsk State University (33, Moskovskiy Ave., 210038 Vitebsk, Republic of Belarus)
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
 0000-0001-7749-6671. E-mail: ns-lk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Temirgazina Z. K., Andryuchshenko O. K., Aselderova R. O., Nikolaenko S. V., 2023

Abstract. Russian Orientalism is distinguished by its territorial proximity to Asian countries and the shaping of Russia-Asia frontier in bordering areas where peoples blended and cultures synthesized to form a multicultural environment. *Goals.* The study aims to identify the specifics of Orientalist motifs in works of the Soviet Russian poet Pavel Nikolaevich Vasiliev. *Materials and methods.* The paper analyzes works of P. Vasiliev with the aid of the historical/literary and comparative methods. The methodology is based on theses of Orientalism and transcultural literature. *Results.* The literary mainstream of that time was implementing the trend toward a class orientation with the dichotomy of US — the proletariat, the poor, and THEM — kulaks, merchants, aristocrats, *beys, biys, begs*, coupled with the proclaimed civilizing role of Russians in the life of indigenous peoples, which was dictated by the early Soviet ideology. Pavel Vasiliev also depicted the civilizing mission of Russian engineers, builders, railroad men; industrialization in Kazakh steppes; the images of ‘civilized’ Kazakh savages — fighters for Soviet power, builders of a new life. He draws typical negative images of mullahs, which was prompted by the Bolshevik struggle against religion and its influence on the masses. At the same time, he is aware of his spiritual kinship with the Kazakhs and does not portray the latter as THEM, for him they are US, relatives. In early Soviet literature, the image of ‘sleeping’ Asia was widespread enough, and the region was thus to be awakened with bayonets and machine guns — to turn into the ‘red’ East as part of an ideologically unified Soviet state. In this regard, Vasiliev was standing away from the mainstream, since he never viewed Asia as a backward or dormant territory. That was rather an ancient, millennia-old, mysterious country, his homeland. Orientalist poems by Pavel Vasiliev (Hunting with Golden Eagles, Jut, Melon Field near Semipalatinsk, Camel, etc.) also deviate from the mainstream, since they emphasize ethnic and cultural specificities of the Kazakhs — an indigenous people of the Asian frontier — and this somewhat contradicted the Soviet policy of depreciating indigenous cultures of Asia. *Conclusions.* The insight into Orientalist motifs of Vasiliev’s poetry attests to the latter were influenced by transcultural nature of the poet’s artistic worldview, since his creative mind was shaped within the Kazakh-Russian frontier.

Keywords: Orientalism, Pavel Vasiliev, Asian frontier, transcultural literature, mainstream, socialist ideology, us, them

Acknowledgements. The reported study was granted by Margulan University (Republic of Kazakhstan), agreement no. 3 of 1 July 2022.

For citation: Temirgazina Z. K., Andryushchenko O. K., Aselderova R. O., Nikolaenko S. V. Pavel Vasiliev — A Poet of the Asian Frontier: Specifics of Orientalist Motifs Revisited. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 232–244. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

Введение

Ориенталистику чаще всего определяют как науку, исследующую духовную и культурную историю Востока, а не его географическое или экономическое положение. Исследование начиналось с изучения письменных памятников Древнего Востока и их толкования, т. е. в классическом понимании это филологическая и герменевтическая дисциплина [Конрад 1966: 3–4].

В работе Э. В. Саида «Ориентализм» [Саид 2021], которая оказала существенное влияние на исследования Востока во всем мире, ориентализм преподносится в ином ключе. Он определяется в качестве геополитического дискурса, создаваемого Западом с целью покорения и аккультурации Востока. Частью его выступает доктрина

расового неравенства. Э. В. Саид говорит о взаимовлиянии Востока и Запада: «Как географические, так и культурные сущности — не говоря уже о сущности исторической — таких мест, регионов, географических областей, как „Восток“ (Orient) и „Запад“ (Occident), созданы человеком. Поэтому, как и сам Запад, Восток — это идея, имеющая историю и традицию осмысления, образный ряд и лексикон, которые придали ей реальность и существование на Западе и для Запада. Так две этих географических сущности поддерживают и в определенной степени отражают друг друга» [Саид 2021: 13].

В советской академической науке существовало несколько другое понимание ориентализма, он традиционно отождествлялся

с востоковедением: «Востоковедение (или ориенталистика) — исторически сложившаяся в Европе наука, комплексно изучающая историю, экономику, языки, литературу, искусство, религию, философию, памятники материальной и духовной культуры Востока» [Брагинский 1974: 43].

В русской литературе наблюдается неослабевающий интерес к восточным мотивам, они обнаруживаются в творчестве многих русских писателей и поэтов, начиная от В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского и др. Литературоведами исследована концептосфера ориентального дискурса в русской литературе XIX в. от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского [Алексеев 2015].

Ю. М. Лотман рассмотрел проблему отношения Востока и Запада в позднем творчестве М. Ю. Лермонтова [Лотман 1985]. Значительный интерес у исследователей вызывал ориенталистский дискурс в русской литературе и культуре конца XIX – начала XX вв. Они отмечают, что формирование ориенталистского художественного мировоззрения поэтов «Серебряного века» находилось под влиянием философии Вл. Соловьева, в которой основной идеей было всеединство и синтез культур Востока и Запада [Концова 2003: 3–4; Чач 2012: 4–6].

Актуальной в сегодняшней науке остается тема специфики русского ориентализма. Так, ей посвящена книга «Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)» [Русский ориентализм 2019], в которой показана широкая география постсоветских исследований: Центральная Азия, Турция, Индия, Урало-Поволжский регион. «Важно, что ориентализм русский имеет принципиальные отличия от своих западных аналогов. Здесь Восток иначе воспринимали, иначе трактовали и иначе творили. Без понимания этого, равно как и без комплексного анализа русского ориентализма как такового невозможно адекватно понять и описать сложную природу художественного взаимодействия культур на территории Российской империи...» [Резван 2019: 11–12].

Поскольку основной целью нашей статьи является изучение ориенталистских мотивов в творчестве советского русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937), важными для нас остаются два вопроса: особенности ориентализма в раннесо-

ветскую эпоху и влияние условий азиатского фронта на творчество писателя. Павел Васильев родился в Казахстане, в г. Зайсан, вырос и сформировался как творческая личность в Павлодаре, т. е. в условиях казахско-русского пограничья. Это оказало значительное влияние на формирование его творческих и художественно-эстетических взглядов, на транскультурный характер его мировоззрения и миропонимания.

С. Н. Абашин подчеркивал одну из особенностей русского ориентализма: «...В русском ориентализме, который основан на идее „цивилизаторской миссии“ России на Востоке, легко распознаются элементы социалистического (народнического, марксистского и др.) дискурса с его специфическими идеями освобождения от гнета правящих классов, формационных переходов, социально-экономической эволюции» [Абашин 2005: 47]. В большевистской идеологии была сделана попытка связать в единую концепцию идею колониального угнетения и идею классовой эксплуатации народов. В этой концепции впервые в качестве объекта, вместо инородцев и туземцев, появляются «коренные народы».¹ Этот изначально противоречивый дискурс должен был отображать отношения империи с коренными народами, их место и роль в составе Советского Союза.

В 1920–1930-х гг. советской идеологией создавался антиколониальный образ СССР, велась борьба за равноправие народов, хотя бы формальное, шла борьба с «великодержавным шовинизмом» [Фомин 2021: 39; см. также: Номогоева 2021]. К реализации этой тенденции в литературе приложил руку и М. Горький, который в эти годы был идейным знаменем пролетарской культуры и оказывал сильнейшее влияние на формиро-

¹ «Оформленное и зафиксированное в законодательной практике в 1822 г. понятие „инородцы“ — один из ключевых терминов „колониального словаря“ имперской администрации, позднее „инородцы“ были заменены на „туземцев“, а в советское время — на „коренные народы“, что тем не менее не изменило содержания политических практик, осуществлявшихся метрополией / центром, и не помешало „инородческому“ дискурсу оказывать существенное влияние на ранние советские проекты по нациестроительству и модернизации бывших восточных окраин страны» [Васильцов 2019: 31].

вание мировоззренческих и идеологических основ советской политики в области литературы и культуры. И. А. Фомин пишет: «Как инструмент национальной политики рассматривалось и изменение содержания и канонов литературного процесса: важно было произвести резкий разрыв с прошлым и в литературе, которая в имперский период, по словам М. Горького, зачастую относилась к „инородцам“ снисходительно, смотрела на них „сверху вниз“ [...], утвердить новый облик всех народов империи, в том числе народов Средней Азии» [Фомин 2021: 39].

В социалистической идеологии этой эпохи, синтезированной с неоромантической колониальной концепцией, популяризовались носители передовых идей — неутомимые борцы за светлое будущее. И огромную роль в этом призвана была сыграть литература, которая должна была создавать образы героев — борцов, выполняющих цивилизаторскую миссию «советского человека», в том числе в диком Туркестане — в условиях географического фронта, где сталкиваются две различные национальные культуры и традиции. К. С. Соколов пишет об этой трансформации советской идеологии: «Из соединения неоромантической стилистики с актуальным вариантом господствующей идеологии к началу 30-х гг. в советской поэзии складывается особый тип ориентального фронтального дискурса, утрачивающего злободневность по мере модернизации советского фронта» [Соколов 2019: 123].

Граница соприкосновения России и Азии, т. е. азиатский фронт, характеризуется тем, что социокультурные процессы имели здесь синтезирующий и гибридный характер, тесное соприкосновение русских и азиатов в одном географическом топосе приводило к смешению языковых и культурных традиций, а также к их конфликту [Temirgazina, Khamitova, Orazalinova 2016: 319]. В подобной мультикультурной среде формировалась транскультурная литература, представляющая собой органичный симбиоз нескольких культур и ментальностей. Образ Другого, который в традиционном ориентализме носил экзотический характер, в транскультурной литературе азиатского фронта не был экзотическим, непонятным, потому что он являлся частью Своего.

Несмотря на то, что изучению творчества П. Н. Васильева посвящено несколько диссертаций литературоведческого и лингвопоэтического плана [Мадзигон 1966; Ивлева 1990; Шаймарданова 1990; Хомяков 2007; Попова 2016] и десятки статей, ориенталистские тенденции в его произведениях, включая поэмы, не анализировались. В перечисленных выше работах отмечается знание П. Н. Васильевым казахской культуры, казахского языка и фольклора, включение казахизмов в художественные тексты. Из этого выводится тезис о евразийском характере его творчества. Попробуем рассмотреть этот тезис более глубоко и детально. Как известно, сутью концепции евразийства является идея объединения истории, культуры, географии, экономики и ментальности Европы и Азии, которая характеризуется как уникальная черта России [Савицкий 1997: 4–5; Трубецкой 2007: 5–17]. Ориенталистская теория отличается от евразийства сосредоточенностью прежде всего на проблематике Востока, не ограниченной определенными сферами его общественной, духовной, культурной и хозяйственной жизнедеятельности. Таким образом, наше исследование, как мы полагаем, восполняет существенный пробел в изучении творчества П. Н. Васильева.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы П. Н. Васильева [Васильев 2009а; Васильев 2009б]. В статье не разграничиваются жанры стихотворений и поэм, так как ориенталистские тенденции генерируются мировоззренческими взглядами автора и не зависят от жанровой разновидности произведения. В письме к А. Е. Крученых П. Н. Васильев четко определяет свою идеологическую и мировоззренческую позицию, когда объявляет основной задачей советской литературы, ее «единственным смыслом — работу на социализм» [Васильев 2009б: 490]. Ориенталистские мотивы одинаково прослеживаются в художественной проблематике как стихотворений, так и поэм. Так, в поэме «Христолюбовские ситцы» воплощается одна из идей раннесоветского ориентализма об «окультуривании» и освоении азиатских степей в ходе их индустриализации: речь идет о строительстве на казахской

земле текстильного комбината. Этой же идее посвящены стихотворения («Павлодар», «Путь на Семиге», «Евгении Стэнман» и т. п.).

Методологической основой исследования стали положения теории ориентализма, разработанные в зарубежной и российской науке. Частью академического литературного ориентализма сегодня стала концепция транскультурной литературы, которая включает литературу пограничья, к которой мы относим творчество Павла Николаевича Васильева [Темиргазина, Ибраева 2021: 291–293].

Используя историко-литературный и текстологический методы, мы рассмотрели поэзию П. Н. Васильева с точки зрения отражения в ней советского ориентализма начала 1930-х гг. Транскультурный характер его творчества повлиял на воплощение в нем социалистических ориенталистских тенденций и определил их специфику. Реализация советской идеологии по отношению к коренным народам Азии, в частности к туркменам в произведениях писателей, входящих в состав «восточных» бригад, направленных в 1930-е гг. в азиатские республики, рассматривалась нами для сопоставления с произведениями Павла Васильева. Сравнение дало нам возможность установить сходство и различие ориенталистских практик в творчестве П. Н. Васильева и других писателей раннесоветского периода.

Особенности ориенталистских мотивов в произведениях П. Н. Васильева

Цивилизаторская миссия в азиатском фронтире

Ориентализм советских писателей А. П. Платонова, В. А. Луговского, Н. С. Тихонова, П. Г. Косырева, Г. А. Санникова и многих других, отправленных в 1930-х гг. в составе «туркестанских» писательских бригад в азиатские республики для реализации социалистической национальной политики, как бы это ни было удивительным, подпитывался творчеством Редьярда Киплинга. Его творчество и, в частности, его идея «бремени белого человека», вынужденного выполнять на Востоке цивилизующую миссию, неожиданно стали очень популярными в среде советских пролетарских писателей в 1920–1930-х гг. «Интерес к творчеству „певца британского империализма“ пере-

жил революцию и, вопреки очевидной противоположности политических взглядов, воплотился в неоромантическом колониалистском пафосе строителей коммунизма на юго-восточных рубежах советской империи» [Соколов 2019: 125].

В основе советской национальной политики лежит идея историко-антропологического эволюционизма: азиаты, в том числе кочевники, — это отсталые, находящиеся на низшем этапе общественного развития народы. Они находятся на феодальном уровне развития, а возможно, и на уровне первобытнообщинного строя. Так, Петр Скосырев в повести «Оазис», сравнивает кибитку и «европейское» жилище — дом, проявляя искреннее непонимание преимуществ кибитки и предпочитая «европейский» дом [Скосырев 1934: 27]. Стилизация и реальный фольклорный материал в повести Петра Скосырева служат четко определенной цели — создать образец советской ориентальной прозы для русскоязычных читателей, понятный и доступный для них, создающий для них историю и мифологию «красного Востока».

В произведениях советских писателей, входящих в «Альманах к десятилетию Туркменистана», доминирует мысль о необразованности, некультурности восточного человека, для которого «пастбище, табун коней и кибитка» — это «все, что есть на этой земле» [Скосырев 1934: 79]. Очевидно, поэтому азиаты в этих произведениях пассивны, молчаливы, неиндивидуализированы и выступают, скорее, объектом, а не субъектом, обладающим волей и сознанием.

В этом отношении важно сравнить отношение Павла Васильева к аборигенам-казахам. В стихотворении «Азиат» он говорит о том, что здесь, в московских гостиных, его друг — казах — смотрится «чужим», но это взгляд москвичей. Себя же лирический герой отождествляет с азиатом, ощущает свое родство с ним и называет их обоих «степными, угрюмыми кавалерами»:

Но мы с тобой во многом схожи...

И я, как ты, такой же гибкий

(«Азиат», 1934)

[Васильев 2009а: 84].

Транскультурное мышление поэта, хорошо знакомого с казахскими обычаями и традициями, выросшего в условиях ка-

захско-русского пограничья, не позволяет ему пренебрежительно, свысока относиться к другу-азиату, считать его «дикарем» [Temirgazina et al. 2020: 5–6]. Он понимает, что они оба чужие здесь. Во второй части стихотворения, насыщенной восточным колоритом, который придают ей многочисленные экзотизмы (*аул, кумыс* и др.), создается образ своего, родного для обоих Востока — родного аула. Этот образ одновременно является экзотическим, чужим для московских российских читателей:

*Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас*

(«Азиат», 1934)
[Васильев 2009а: 84–85].

Индустриализация азиатского фронта

Дискурс азиатского фронта ранней советской эпохи построен на тезисе, что борцы за светлое социалистическое будущее Востока (советские специалисты, инженеры, учителя, врачи и т. д.) должны нести «бремя советского человека», т. е. прививать коренному азиатскому населению подлинные ценности и поднимать «красный» Восток [Abzuldinova 2013: 1651–1652; Николаенко 2019: 205]. Эта идея прослеживается и в творчестве Павла Васильева, который провозглашает свою активную неоромантическую поэтическую миссию в эпоху строительства социализма — шагать в ногу с индустриализацией страны:

*С промышленными нуждами страны
Поэзия должна теперь сдружиться*

(«Павлодар», 1927)
[Васильев 2009а: 189].

Поэт представляет цивилизационную роль большевиков в азиатском фронтире как движение к техническому прогрессу — строительству заводов, фабрик, железных дорог, магистралей, которые противопоставляются отсталым в техническом отношении объектам:

*Когтями сжав полынь и дрему,
Гудят чужинные леса —
У первенцев Наркомтяжпропа
Давно окрепли голоса.*

Их нянчит мамка-индустрия
(«Христоробовские ситцы»)
[Васильев 2009б: 292].

Проводя железные дороги, строя заводы и фабрики, строители (инженеры, рабочие-краснопутиловцы) захватывают пастбища казахов, исконно принадлежащие им и необходимые для выживания кочевников-скотоводов. Технический прогресс, который несут русские, противоречит коренным экономическим интересам казахов, ведет к разрушению привычного им образа жизни и способа хозяйствования. П. Н. Васильев идеализирует большевиков — строителей новой жизни, встречающих на своем пути нечеловеческие трудности, но преодолевающие их:

Мы строили дорогу к Семиге

На пастбищах казахских табунов...

(«Путь на Семиге», 1932)
[Васильев 2009а: 173–174].

Сопrotивление аборигенов-дикарей строительству новой жизни, техническому прогрессу, индустриализации подавляется огнем и железом, потому что законы Республики и новый мир должны быть обязательно утверждены:

*Мы законы Республики здесь утвердим и
поставим на том,*

*Чтоб с фабричными песнями этими сладилась
осень,*

Мы ее и в огонь, и в железо, и в камень возьмем
(«Евгении Стэнман», 1932)

[Васильев 2009а: 242–243].

При всей революционной направленности в этих строках прослеживается тайное желание, скрытая надежда поэта на то, что индустриализация страны не нанесет ущерба природе и будет находиться с ней в ладу.

Транскультурность творческого мировоззрения не позволяет П. Н. Васильеву изображать в роли Другого близкого ему по духу кочевника-казаха; Другой в его ориенталистском дискурсе — это и часть его самого. Поэтому в роли цивилизуемого объекта в его произведениях чаще выступает территория, топоним, которую большевики-цивилизаторы окультуривают, осовременивают, а герой-строитель является его демиургом-творцом:

Полынные родные пустыри

Завод одел железною листовою

(«Павлодар», 1927)
[Васильев 2009а: 189].

Этот топос воспринимается покорителями азиатского фронта как огромное незастроенное пустынное пространство, тысячи верст пустырей, где нет ничего, кроме травы. Эти земли, по убеждению строителей нового мира, требуют хозяйственного освоения и окультуривания:

*Позади пустынное пространство,
Тыщи верст — все звезды да трава*
(«Анастасия», 1933)
[Васильев 2009а: 263].

«Спящая» Азия глазами Павла Васильева

В советской ориенталистской концепции заложена идея заботы об отсталых коренных народах. Их нужно духовно разбудить, культурно просветить, так как они находятся под классовым гнетом и им нужна помощь. В стихотворении «Верблюд» (1931) поэт рисует «спящий» Восток, «дремлющую» Азию с ее ориентальными атрибутами, входящими в стереотипные представления советского читателя о Востоке — восточными бухарскими базарами, минаретами, гаремными плясками, отрубленными головами неверных на шестах:

*И солнцем выжжена мятежная Хива,
И шелестят бухарские базары...
И щит владык, и гром ударов мерных
Гаремным пляскам, смерти, песне в такт,
И высоко подняты на шестах
Отрубленные головы неверных!*
(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 190–191].

Восток должен быть разбужен для новой социалистической жизни штыками и пулеметами Красной Армии:

*Бессонна жадность деспотов Хивы,
Прошелестят бухарские базары...
Но на буграх лохматой головы
Тяжелые ладони комиссара.
Приказ. Поход. И пулемет, стуча...
Отыскивает шапку басмача*
(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 191].

Верблюд символизирует степную Азию, но она у П. Н. Васильева не спящая, а древняя, величавая, загадочная, таинственная земля. Это его родина, к которой он обращается с нежным признанием в любви и

которую он неустанно воспекает в своей лирике:

*Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь!*
(«Родительница степь», 6 апреля 1935 г.)
[Васильев 2009а: 376].

Нужно ли будить пулеметами и штыками такую Азию? Любовь поэта к казахским степям и сродненность с Казахстаном приходят здесь в противоречие с тезисами нового социалистического ориентализма. Идеология требует разрушения родного Востока «до основания» для построения нового мира, но внутреннее «я» поэта не согласнo с этим, не может смириться с такой реальностью. И это проявляется в образе верблюда — символа его родного Казахстана, в котором явственно проступают симпатии и любовь поэта к Азии:

*Но приглядишь, — в глазах его туман
Раздумья и величья долгих странствий...*
(«Верблюд», 1931)
[Васильев 2009а: 190].

В лирике П. Н. Васильева, кроме одного Востока — родной для него Азии, Казахстана, Туркестана, существует и другой Восток — это Индия, далекая и экзотичная. Эти два Востока резко отличаются в васильевской ориенталистике, более того, находятся в оппозиции «родной — неродной», «близкий — далекий», «знакомый — экзотичный»:

*Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары — золотая мгла.
Граненные веками зеркала...*
(«К музе», 1930)
[Васильев 2009а: 162].

И если родной для него казахский Восток «овеществляется» в солончаковых степях, раскосой луне, запахе полыни, ястребах, коршунах, скакуне, верблюде, в коврах, минаретах, то «вещные» признаки Индии более экзотичны: это павлиньи перья, слоны, золото, граненые зеркала.

Советскую страну, «страну счастья» П. Н. Васильев олицетворяет в образе знаменитой героини западноевропейской литературы Беатриче, музы и возлюбленной итальянского поэта XIII в. Данте Алигьери.

Беатриче переводится как «счастливая, несущая счастье». Но васьильевская Беатриче, олицетворение Советской страны, огромна, агрессивна, рождена в топоте конницы под звуки шрапнели:

*Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели*
(«Демьяну Бедному», май 1936 г.)
[Васьильев 2009а: 325].

Желая создать позитивный, вдохновенный революционный образ страны счастья — Беатриче, поэт создает пугающий воинственный женский образ. Такой подспудно «видит» П. Н. Васьильев Советскую страну, поэтическая интуиция художника не обманывает его и подсказывает ее подлинную античеловеческую сущность.

Ориентализм П. Н. Васьильева как отклонение от мейнстрима ранней советской литературы

Сугубо ориенталистским, посвященным казахской национальной традиции является стихотворение «Охота с беркутами» (1931). Лирический герой воспекает бескрайность казахской степи, будто созданной природой для беркутиной охоты:

*Начинаем мы нашу охоту
Под рябым и широким небом...
На степи, никем не измеренной*
(«Охота с беркутами», 1931)
[Васьильев 2009а: 348].

Как говорилось выше, для новой социалистической идеологии характерен классовый, а не национальный подход. Соответственно, пролетариат должен представлять в литературе как единый класс, находящийся вне национального принципа. Этой идеологии свойствен отказ от тезисов традиционно понимаемого ориентализма. Писатели сменили ориенталистскую риторику на классовую. Ориенталистские произведения П. Н. Васьильева «Охота с беркутами», «Песня о Серке», «Верблюды», «Бахча под Семипалатинском», «Джут», «Плов» и др., написанные с большим знанием национальных казахских традиций, обычаев и с большой любовью к ним, конечно, противоречат официальным идеологическим установкам

и выбиваются из мейнстрима литературы того времени своей национально-культурной направленностью.

Конституирующим Другим в литературном дискурсе этого времени теперь является не азиат, а купец, кулак, поп, бай, бий или мулла. Лирический герой стихотворения «Расставанье» Мухан отодвигает на второй план свои личные проблемы — расставанье с любимой девушкой, потому что активизировался классовый враг *бий*. Только что установленный новый советский уклад оказался в опасности, и Мухан должен стать безжалостным и вновь идти воевать:

*Мир старый жив. Еще не все сравнялось.
Что нового? Вновь строит козни бий?
Заседывай коней, забудь про жалость*
(«Расставанье», 1932)
[Васьильев 2009а: 221].

Лирический герой обвиняет подругу, расставанье с которой глубоко переживает, в том, что она предала его — *повернула на запад*. Запад изображается как антипод Востоку, Азии и самому лирическому герою — азиату с раскосыми глазами и скулами:

*Ты оттого на запад повернула,
Подставила другому ветру грудь...
Но я бы стер глаза свои и скулы
Лишь для того, чтобы тебя вернуть!*
(«Расставанье», 1932)
[Васьильев 2009а: 219].

В массовое сознание внедряются и негативные ориенталистские стереотипы, связанные с ролью религии и духовенства. Писатель Л. Леонов рассказывает о том, что мулла советует для лечения поноса резать барана, больному выпить его кровь, баранье мясо и шкуру отдать ему [Туркменистан весной 1932: 429]. Эти же стереотипы транслирует в своей поэзии Павел Васьильев: *Хитра рука, сурова мудрость мулл* («Верблюды», 1931) [Васьильев 2009а: 190–191].

Мулла не только классовый враг, сопротивляющийся социалистическому строительству, но еще и хитрый, жадный персонаж [Рахимжанов, Акишева, Темиргазина 2020: 267–268]. В критике мулл неоромантическая социалистическая ориенталистика пересекается у Васьильева и Леонова с провозглашенной повсеместно в СССР борьбой с религией.

Одной из важнейших тенденций ориенталистской литературы этого времени является создание образа азиата — носителя передовой социалистической идеологии, беззаветно сражающегося за нее. Подобные образы должны были демонстрировать прогрессивность социалистической идеологии, насаждаемой в азиатских республиках. Они означали ее проникновение в сознание дикарей-инородцев и рассматривались как начало массового «окультуривания» коренных народов и преобразования азиатского фронта. В стихотворении «Товарищ Джурбай» Павел Васильев изображает подобного трансформированного «восточного человека», который убедился в превосходстве советской цивилизации и новой большевистской идеологии. Подобные персонажи вместе с большевиками образуют единый фронт в борьбе за Советскую власть, являясь проводниками ее идей среди местного населения. Васильевский герой — активный участник боев за Советскую власть в Казахстане, активный преобразователь азиатского фронта, строитель железных дорог, заводов и комбинатов, индустриально осваивающий казахские земли. Поэт обращается к нему в соответствии с советской риторикой *товарищ Джурбай*, считает его своим, объединяясь с ним в выражении *нас с тобою*:

В высокой степной пыли

К озеру Куль и озеру Тус

Стальные пути легли...

Товарищ Джурбай!

Не нас ли с тобой

Вызывает страна

Опять — как в боях — поименно?

(«Товарищ Джурбай», 1930)

[Васильев 2009а: 147–148].

Вместе с товарищем Джурбаем лирический герой в любой момент готов ответить на призыв Советской страны *поименно* [Temirgazina 2013: 824].

Выводы

В 20–30-х гг. XX в. складывается своеобразная советская ориенталистская концеп-

ция, эклектичная и противоречивая по своей сути. В ее основе находились, во-первых, классовая идеология, в которой конституирующим Своим был рабочий, бедняк, а Другим — кулак, купец, и, во-вторых, идея окультуривания, просвещения «советским человеком» «красного» Востока, навеянная творчеством Киплинга, в которой Другим был представитель коренных народов Азии — инородец, туземец. Литературный мейнстрим этого времени формировался именно в рамках подобной идеологии, выработывая художественные каноны в соответствии с ней.

Не избегал влияния этой идеологии и Павел Васильев, транскультурная творческая личность которого складывалась в условиях азиатского казахско-русского фронта. Он также рисовал картины индустриализации и покорения «пустынных» казахских степей, воспевал новую жизнь, которую несет азиатам советская власть. Однако некоторые его произведения выбивались из общей творческой задачи, поставленной перед советской литературой этого времени. Так, в его произведениях азиаты, степняки не выглядят Чужими, Другими, потому что для поэта они Свои, родные. Азия, Казахстан для него не требующая покорения штыками и пулеметами территория, а древняя, загадочная, живущая своей жизнью страна. Выбиваются из идеи общего классового противостояния его стихи традиционно ориенталистской направленности, в которых он со знанием и любовью описывает родную казахскую степь, казахские традиции и обычаи, в то время как он должен был показывать слияние национальных культур в единую советскую культуру, не заостряя внимание читателей на национальной специфике. Причиной подобных отклонений от мейнстрима литературы ранней советской эпохи была транскультурность мировоззрения и миропонимания поэта, художественно-эстетические взгляды которого сформировались в условиях казахско-русского фронта и представляли собой органичный симбиоз двух культур: русской и казахской.

Литература

Абашин 2005 — Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «... будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не

быть...» // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнёва / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: ОмГУ, 2005. С. 47–102.

- Алексеев 2015 — *Алексеев П. В.* Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Томск. ун-т, 2015. 348 с.
- Брагинский 1974 — *Брагинский И. С.* Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 495 с.
- Васильев 2009a — *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения. Алматы: Таугуль-Принт, 2009. 444 с.
- Васильев 2009b — *Васильев П. Н.* Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 2. Поэмы. Проза. Письма. Алматы: Таугуль-Принт, 2009. 497 с.
- Васильцов 2019 — *Васильцов К. С.* Россия и «азиатцы»: риторика и практика русского ориентализма // *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)* / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 17–35.
- Ивлева 1990 — *Ивлева И. Д.* Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 22 с.
- Конрад 1966 — *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 518 с.
- Концова 2003 — *Концова Е. В.* Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 196 с.
- Лотман 1985 — *Лотман Ю. М.* Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // *Лермонтовский сборник*. Л.: Наука, 1985. С. 5–22.
- Мадзигон 1966 — *Мадзигон Т. М.* Творчество Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966. 21 с.
- Николаенко 2019 — *Николаенко С. В.* Русский язык — через национальные реалии и культуру // *Русистика*. 2019. Вып. 17. № 2. С. 198–212. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212
- Номогоева 2021 — *Номогоева В. В.* Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–1930-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. № 14(6). С. 1154–1164. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164
- Попова 2016 — *Попова Н. В.* Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 169 с.
- Рахимжанов, Аюшева, Темиргазина 2020 — *Рахимжанов К. Х., Аюшева М. К., Темиргазина З. К.* Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 4. С. 261–271. DOI: 10.25178/nit.2020.4.18
- Резван 2019 — *Резван М. Е.* «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» (вместо предисловия) // *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)* / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 7–13.
- Русский ориентализм 2019 — *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)* / под ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 292 с.
- Савицкий 1997 — *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Саид 2021 — *Саид Э. В.* Ориентализм. Современная критическая мысль. Предисловие А. Ихсанова. М.: Музей совр. искусства «Гараж», 2021. 560 с.
- Скосырев 1934 — *Скосырев П.* Оазис // *Айдинг-Гюнлер: альманах к десятилетию Туркменистана, 1924–1934* / редкол.: Г. А. Санников (отв. ред.) и др. М.: Изд. Юбилейной комиссии ЦИК-ТССР, 1934. С. 6–101.
- Соколов 2019 — *Соколов К. С.* Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // *Вестник Пермского университета*. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 123–130.
- Темиргазина, Ибраева 2021 — *Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б.* Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 72. С. 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16
- Трубецкой 2007 — *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
- Туркменистан весной 1932 — *Туркменистан весной*. Альманах 1-й писательской бригады Огиза и «Известий ЦИК СССР», совершившей поездку по Туркменистану весной 1930 г. в составе: Л. Леонова, Вс. Иванова и др. М., Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1932. 497 с.
- Хомяков 2007 — *Хомяков В. И.* Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 386 с.
- Фомин 2021 — *Фомин И. А.* Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии // *Кунсткамера*. № 4(14). 2021. С. 37–51. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
- Чач 2012 — *Чач Е. А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 338 с.

- Шаймарданова 1990 — Шаймарданова С. К. Поэтическое слово в контексте Павла Васильева: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990. 20 с.
- Abzuldinova 2013 — Abzuldinova G. K. Metaphorization of the Cognitive Domain of Study // *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013. No. 14(13). Pp. 1648–1653.
- Temirgazina 2013 — Temirgazina Z. K. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // *World Applied Sciences Journal*. 2013. No. 24 (6). Pp. 822–825.
- Temirgazina, Khamitova, Orazalinova 2016 — Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K. Didactic Features of a Learner's English-Russian Dictionary of Biology Development // *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016. No. 7(2). Pp. 317–326.
- Temirgazina et al. 2020 — Temirgazina Z., Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G. «Naive anatomy» in the Kazakh Language World Picture in Comparison with English and Russian // *XLinguae*. 2020. Vol. 13(2). Pp. 3–16.

References

- Abashin S. N. Vladimir P. Nalivkin: '...there shall be what is inevitable, and what is inevitable simply cannot fail to be...'. In: Suvorova N. G. (ed.) *Russia's Asia: Imperial Personalities and Structures. Collected papers. Celebrating the 50th birthday of Prof. Anatoly V. Remnev*. Omsk: Omsk State University, 2005. Pp. 47–102. (In Russ.)
- Abzuldinova G. K. Metaphorization of the cognitive domain of study. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013. No. 14(13). Pp. 1648–1653. (In Eng.)
- Alekseev P. V. Conceptual Framework of Oriental Discourse in Russian Literature, Early-to-Mid 19th Century: From A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky. Tomsk: Tomsk State University, 2015. 348 p. (In Russ.)
- Braginsky I. S. Issues of Oriental Studies: Current Questions of Oriental Literary Criticism. Moscow: Nauka — GRVL, 1974. 495 p. (In Russ.)
- Chach E. A. Orientalism in Social and Artistic Conscience of Silver Age Russian Literature. Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2012. 338 p. (In Russ.)
- Fomin I. A. Orientalist discourse in early Soviet fiction about Central Asia. *Kunstkamera*. 2021. No. 4(14). Pp. 37–51. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
- Ivleva I. D. Reality and Its Artistic Presentation in the Poetry of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1990. 22 p. (In Russ.)
- Khomyakov V. I. Artistic View of the World in Pavel Vasiliev's Works: Revisiting the History of Worldview and Stylistic Search in Russian Poetry, 1920s–1930s. Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2007. 386 p. (In Russ.)
- Konrad N. I. The West and the East. Moscow: Nauka, 1966. 518 p. (In Russ.)
- Kontsova E. V. The Poetic 'Orient' and Its Peculiarities in Silver Age Russian Literature: K. Balmont, N. Gumilev, V. Khlebnikov. Cand. Sc. (philology) thesis. Voronezh, 2003. 196 p. (In Russ.)
- Leonov L., Ivanova Vs. et al. Turkmenistan in Spring: An Almanac by the First Crew of OGIZ and Izvestiya TsIK SSSR Writers Who Travelled across Turkmenistan in the Spring of 1930. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1932. 497 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. The East–West issue in the late works of M. Lermontov. In: *The Lermontov Collection*. Leningrad: Nauka, 1985. Pp. 5–22. (In Russ.)
- Madzigon T. M. [Analyzing] Writings of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1966. 21 p. (In Russ.)
- Nikolayenko S. V. Russian language through the prism of national culture and realities. *Russian Language Studies*. 2019. Vol. 17. No. 2. Pp. 198–212. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212
- Nomogoeva V. V. The 1920s and 1930s Soviet modernization of Buryat culture and household life revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1154–1164. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164
- Popova N. V. Folklore Traditions in Works of Pavel Vasiliev. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2016. 169 p. (In Russ.)
- Rakhimzhanov K. Kh., Akosheva M. K., Temirgazina Z. K. Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in the Kazakh and Tuvan languages: An interaction of language, anatomy and culture. *The New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 261–271. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.18
- Rezvan M. E. (ed.) *Russian Orientalism: Science, Art, Collections*. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. 292 p. (In Russ.)
- Rezvan M. E. 'Moscow, Astrakhan, Persia, India!' (In lieu of a preface). In: Rezvan M. E. (ed.)

- Russian Orientalism: Science, Art, Collections. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. Pp. 7–13. (In Russ.)
- Said E. W. Orientalism [Contemporary Critical Thought]. A. Ikhsanov (foreword). Moscow: Garage Museum of Contemporary Art, 2021. 560 p. (In Russ.)
- Savitsky P. N. The Continent of Eurasia. Moscow: Agraf, 1997. 464 p. (In Russ.)
- Shaimardanova S. K. Poetic Word in Pavel Vasiliev's Contexts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Alma-Ata, 1990. 20 p. (In Russ.)
- Skosyrev P. Oasis. In: Sannikov G. A. (ed.) Ayding-Gyunler: Celebrating the 10th Anniversary of Turkmenistan, 1924–1934. Jubilee almanac. Moscow: TSSR Central Executive Committee (Jubilee Commission), 1934. Pp. 6–101. (In Russ.)
- Sokolov K. S. Hero of the Asian frontier in Soviet poetry of the late 20s – 30s. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 123–130. (In Russ.)
- Temirgazina Z. K. Effective communicative strategies and tactics in verbal aggression situations. *World Applied Sciences Journal*. 2013. No. 24 (6). Pp. 822–825. (In Eng.)
- Temirgazina Z. K., Ibraeva Zh. B. An observer in poetic narrative (In the poems of Pavel Vasiliev). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021. No. 72. Pp. 290–307. (In Russ.) DOI: 10.17223/19986645/72/16
- Temirgazina Z., Khamitova G., Orazalinova K. Didactic features of a learner's English-Russian dictionary of biology development. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*. 2016. No. 7(2). Pp. 317–326. (In Eng.)
- Temirgazina Z., Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G. "Naive anatomy" in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*. 2020. Vol. 13(2). Pp. 3–16. (In Eng.)
- Trubetskoy N. S. The Legacy of Genghis Khan. Moscow: Eksmo, 2007. 736 p. (In Russ.)
- Vasiliev P. N. Collected Writings. Vol. 1: Poems. Almaty: Taugul-Print, 2009. 444 p. (In Russ.)
- Vasiliev P. N. Collected Writings. Vol. 2: Poems, Prose, Correspondence. Almaty: Taugul-Print, 2009. 497 p. (In Russ.)
- Vasiltsov K. S. Russia and 'Asiatics': The rhetoric and practice of Russian Orientalism. In: Rezvan M. E. (ed.) Russian Orientalism: Science, Art, Collections. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2019. Pp. 17–35. (In Russ.)

